

МОНОЛОГ О ПУСТОМ КРЕСЛЕ

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ТО СОБРАНИЕ было немногим приподнятым, праздничным. Перед началом театрального сезона актеры пришли познакомиться друг с другом, с режиссерами. Знакомство состоялось в тот день немало: актерский состав обновился на треть, художественное руководство — полностью. Интерес был взаимным. Старожилы интересовались, естественно, пополнение: сумеет ли оно существенно преобразить или хотя бы изменить в некоторой степени творческое лицо нашего театра: новичков волновало: что за театр в Чите, каковы его традиции и есть ли они, сумеют ли осуществить здесь то, заветное, что в мечтах, планах каждого актера, режиссера.

Не скрою, было радостно услышать выступление на этом собрании одного из режиссеров. Смысл его заключался вот в чем: если в театре пустует во время спектакля кресло, мы должны быть тревогу — в этом кресле как бы незримо присутствует человек, который не приемлет нашего творчества! Мы должны знать, что он хочет видеть на сцене, и давать ему пищу для размышления.

Теперь сезон в разгаре. Актеры и режиссеры в известной мере имели время проявить свои творческие возможности, зритель — определить свое отношение к театру в его нынешнем творческом составе.

Драматический театр читинцев посещает. Тут и общая закономерность — тяга нашего современника к искусству, и прекрасному, и незабываемой особенности: театр-то у нас один, куда же еще человеку пойти. Но все же должны признать, что новый театральный сезон не принес тех радостных открытий, которых ожидали от него четыре-пять месяцев назад. Зрительный зал вроде бы в основном и заполняется, но и почти не урчишь у парадного подъезда нетерпеливой, возмущенной толпы, набрасывающейся на вас с традиционным: «Нет лишнего билетика?»

Увы, пустые кресла в зрительном зале во время спектаклей есть. Так давайте же сядем в одно из этих пустых кресел и попытаемся понять, почему зритель не пришел на этот спектакль, что он хотел увидеть, что вообще интересует его?

О ДИН из этих зрителей — А. Феодилатов — вскоре после открытия сезона прислал в редакцию письмо, в котором выражал недоумение: почему на открытие поставили пьесу «В день свадьбы» В. Розова, а не другое, более значительное по общественному звучанию произведение? В полемическом задоре или по неведению А. Феодилатов умалил идейные и художественные достоинства пьесы. «В день свадьбы» — одно из наиболее значительных драматургических произведений последних лет. В этом сезоне она самая репертуарная пьеса, ее поставили 104 театра страны (на читинской сцене ее поставил режиссер В. А. Туляков). Пьеса привлекает внимание постановщиков и зрителей острой постановкой в ней морального конфликта.

И все-таки для первого, прогамминого, можно сказать, спектакля «В день свадьбы» — не самый удачный выбор. Сезон этот необычный, страна живет в преддверии славного пятидесятилетия,

и зрителю, естественно, хочется увидеть на сцене произведения масштабные (истинная масштабность заключается не во внешних атрибутах, но в глубине социального исследования явления; в этом смысле масштабными могут быть и произведения, кажушиеся на первый взгляд камерными, узкобытовыми), помогающие ему осмыслить исторический опыт народа во всем его величии, сложности.

Легкомысленно было бы думать, будто художественное руководство театра не понимает этих требований сегодняшнего дня. Безусловно, понимает. И стремится кое-что сделать в этом направлении. Но именно кое-что. Во втором спектакле «Временном жилище» (постановщик Г. М. Барышев) — сделана попытка выстроить тип приспособленца, карьериста, интригана, прикрывающего свое ничтожество партийным билетом. Но в финале выясняется, что у Григория Ивановича Долотова — главного героя (его играют Е. Т. Савкин и Н. Я. Назарчук) — партийного билета никогда не было и нет, он просто мелкий жулик. Зачем же тогда нужно было наводить тень на плетень? Конечно, зритель отвращает это кокетливое заигрывание в смелость, в видимую остроту постановки жизненных проблем. Из документов поистине исторических, принятых партией и правительством в последнее время, он, зритель, знает, с какой решительностью партия борется против всего, что мешает нам строить новую жизнь. Не выдуманных Долотовых — мелких жуликов, а подлинных Долотовых снимают с больших постов, если их руководство не отвечает современным требованиям. Может ли зритель, знакомый по жизни, по документам с подобными реальными драмами, заинтересоваться пьесой, где эти сложности заменены облегченным водеvilным вариантом? Нет.

Далее театр ставит пьесу диспут В. Пановой «Проводы белых ночей» (режиссер спектакли Г. М. Барышев, художественный руководитель — заслуженный деятель искусств КАССР И. М. Гайсинский, художник М. И. Гафт). Диспута тут, собственно, никакого быть не может. Все традиционно, бесспорно, мило. Молодые ищут в жизни свою дорогу, свое призвание. Те, кто относится к жизни честно — счастливы. Кто ловит — того неминуемо ждет драма, разочарование. Играет в спектакле, в основном, молодежь, играет увлеченно, правдоподобно. Зрелище красивое, приятное для сердца (старикам и пожилым зрителям приятно вспомнить юность со всеми ее ошибками, горячностью, увлеченностью, юным — интересно посмотреть на себя как бы со стороны) и... легковесное. Спектакль не обогащает зрителя ни новыми чувствами, ни новыми мыслями. Примерно с такой же глубиной, а точнее поверхностностью, мы видели, читали исследование этой проблемы в десятках, сотнях других пьес, повестей, романов. В общем же, не будем судить этот спектакль очень строго. В репертуаре театра имеет право на жизнь и такая «проходная» постановка.

В ОБЩЕМ, как видит читатель, в принципе уже можно определить симпатии театра, его творческие устремления. Он явно тяготеет к совре-

менности, к сегодняшнему дню. Стремление благородное. Это подтверждает и последний спектакль (о сказке, приуроченной к школьным каникулам, но говорим здесь) — «Совесть» в постановке главного режиссера театра И. М. Гайсинского.

В эту работу и постановщик, и весь коллектив вложили слишком много старания, чтобы говорить о ней без чувства уважения. От постановщика инсценировка (в ней 32 картины!) требовала большой изобретательности, чтобы не нарушилась целостность действия, чтобы органически переплелись события сугубо личного плана, производственные дела и многочисленные заседания парткома и райкома, решающих судьбы героев. Налицо профессиональное мастерство режиссера, очевидно стремление актеров (главные роли в спектакле исполняют Е. Т. Савкин, И. И. Соколик, Е. Н. Мамонтова, И. П. Крупинова, М. Т. Жуковский, А. Д. Клейн) преодолеть драматургический схематичный характер. Но вот беда: как-то не волнует, не потрясает судьба героя, увиденного на сцене. Не из-за привередливости зрителя. А из-за того, что события, развивающиеся на сцене, он, зритель, наперед может пересказать безошибочно: секретарь райкома Якимов, который волевые решения любит, подхалимов любит, очковитрателей — разоблачен будет; секретарь парткома Мартынов, который правду более всего ценит, борется за нее — победит. Он, зритель, опять повторим, знает об очковитрателях волонтеризма, очковитрателях из решений партии и правительства, знает воплощение этих идей в произведениях литературы, кино, театра. Повторение, конечно, мать учения, но все-таки — не открытие! Это опять-таки иллюстрация мыслей, идей, ставших уже неотъемлемой частью духовной жизни народа.

Не следует ли отсюда, что предметом искусства должно быть только то, что в данный момент вообще никем образом не связано с жизнью общества? Нет, не следует. Высшее назначение художника — раньше других улавливать прогрессивные (или отрицательные) глубинные явления, уже происходящие в жизни, но еще не запечатленные отвлеченно в сознании народа, типизировать их, утверждать или бороться с ними. Примеров тому — несть числа, сошлемся лишь на один. Читинский театр показал нам в «Совести» секретаря райкома Якимова. А ведь мы его знаем уже добрых полтора десятка лет — по очеркам Валентина Овечкина, изданным в начале 50-х годов! Овечкинский секретарь райкома Ворзлов — прародитель Якимова — стиль его работы был затем развенчан партией и народом в решениях, утверждающих курс на восстановление ленинских норм партийной жизни.

Искусство может и должно утверждать идеалы, нормы морали, составляющих непреходящую ценность нашей идеологии, партийной и государственной жизни. Это преданность коммунизму, патриотизм, труд на благо Родины, товарищество — принципы, легшие в основу морального кодекса строителей коммунизма. И в этом смысле полезны все постановки театра, все они помогают воспитывать людей в нужном нам духе. Но поскольку театр — организация творческая, совершенно не-

достаточно только то, что говорится с его сцены. Важно еще и как говорится, насколько художественно убедительны, неповторимы сценические образы. Вот тут-то мы и подошли к другому важному требованию, предъявляемому зрителем к театру, если этот театр хочет быть не местом, куда ходят послушать повторение уже пройденного урока, а получить истинное эстетическое наслаждение, открыть для себя новый мир мыслей и чувств.

ЭТО ОБОЗРЕНИЕ не ставит целью исследовать творчество некоторых актеров. В труппе есть артисты, которых читинцы знают и любят давно (М. И. Дегтева, А. Н. Крупинова, Р. И. Горожанова, И. Д. Клейн, Е. Т. Савкин, Н. Н. Забелин, И. В. Кузнецов, В. Я. Назарчук), которые честно служат своему нелегкому делу; в труппе есть молодежь (А. П. Федорова, Г. В. Дементьева, В. В. Болосков, Ю. М. Новохижин), достойная уважения; в труппе есть новички (Г. И. Сафонова, А. М. Светлов), встреча с которыми радует. И общий профессиональный уровень спектаклей не ниже спектаклей других областных театров, во всяком случае для нас не проигрышно сравнение с соседями: благовещенцами, улан-удэнцами, иркутянами.

Прощу понять меня правильно. Заметки эти продиктованы не какими-то чрезвычайными обстоятельствами, не беспокойством за утрату в этом сезоне каких-то традиций творческих высот, утвержденных, завоеванных в прошлом сезоне, в последние несколько лет. Речь идет о том, что достигнутый некий средний уровень стабилизировался, и не ошутливым симптомом, будет ли это статус-кво нарушено. В лучшую сторону. До уровня, когда новая постановка будет событием в жизни нашей области. И не только нашей.

Последняя фраза, предвижу, может вызвать кое у кого скептическую улыбку: не маниловская ли это мечта; провинциальный театр есть провинциальный театр; возможности у читинцев не те, что, скажем, у москвичей или ленинградцев. Но какие для искусства должны быть особые условия? Есть в Литве небольшой городок — Паневежис. Такой маленький городок, что не все читатели, очевидно, и слышали о нем. Но засверкал он ярким светом на театральной карте страны. В Паневежисе началось паломничество театралов из соседних городов, из соседних республик, из Москвы и Ленинграда. Кинорежиссеры считают за удачу получить на съемки актера из этого театра (истати, на экраны выходит фильм «Никто не хотел умирать», одну из главных ролей играет в нем актер Паневежиского театра Д. Банионис; мастерство его единодушно признано критиками великолетним). Коллектив маленького провинциального театра до бился высот подлинного искусства...

Вот еще одно наглядное подтверждение истины: в искусстве неприемлем географический принцип. Столица искусства — человек, его разум, его сердце. А до сердца и разума в Чите путь не ближе и не дальше, чем в любом другом месте.

А. АЛЕШКИН.